

Антошина Ольга Дмитриевна

ПОЭТИКА ПОЗДНЕГО БРЕХТА НА ПРИМЕРЕ ДВУХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Статья посвящена лирике Б. Брехта периода 1948-1956 гг., мало переведенной и изученной в России. Анализируются два тематически схожих стихотворения, при этом прослеживается трансформация поэтического языка автора. Статья ставит целью внести вклад в постепенную коррекцию неполной и искаженной рецепции общественно значимой лирики бывшей ГДР в России и установление межкультурного диалога.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. С. 18-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

2) в чувашском языке префиксация отсутствует. Отрицательное значение достигается путем прибавления отрицательного аффикса *-сăр / -сĕр* к имени прилагательному, существительному, причастию, деепричастию и глаголу, в то время как в английском языке наличествует значимый арсенал отрицательных префиксов *a-, un-, in-* (и его варианты *il-, im-, ir-*), *non-, dis-, mis-, sub-, over-, under-*, при помощи которых могут образовываться слова с негативной семантикой;

3) в процессе перевода английских отрицательных префиксов *a-, un-, in-* (и его варианты *il-, im-, ir-*), *non-, dis-, mis-, sub-, over-, under-* на чувашский язык наблюдается употребление формообразовательных отрицательных частиц *сук* «не, нет» и *мар* «не, нет»;

4) при передаче отрицательных значений с английского на чувашский язык развитая система отрицательных префиксов в английском языке компенсируется переводческими лексико-грамматическими трансформациями в чувашском языке.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 5-е изд-е, испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.
2. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212 с.
3. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1957. 352 с.
4. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др.; под общ. рук. Ю. Д. Апресян и Э. М. Медниковой. 7-е изд-е, стер. М.: Рус. яз., 2002. 832 с.
5. Скворцов М. И. Русско-чувашский словарь [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 1985. URL: <http://samah.chv.su/> (дата обращения: 01.08.2014).
6. Словообразовательные аффиксы чувашского языка [Электронный ресурс] // Чувашский народный сайт. URL: <http://ru.chuvash.org/e/d0a1d0bbd0bed0b2d0bed0bed0b1d180d0b0d0b7d0bed0b2d0b0d182d0b5d0bbd18cd0bdd18bd0b520d0b0d184d184d0b8d0bad181d18b20d187d183d0b2d0b0d188d181d0bad0bed0b3d0be20d18fd0b7d18bd0bad0b0> (дата обращения: 15.06.2015).
7. Уайльд О. Тёлентермĕш юмахсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1986. 127 с.
8. Федотов М. Р. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары: Чувшкнигоиздат, 1963. 120 с.
9. Wilde O. Fairy Tales. М.: Прогресс, 1979. 212 с.

NEGATIVE SUFFIXES AND PREFIXES IN THE ENGLISH LANGUAGE IN COMPARISON WITH NEGATIVE AFFIXES IN THE CHUVASH LANGUAGE

Andreeva Ekaterina Vasil'evna
Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
Kate016@mail.ru

The article considers morphological formants as means of expression of negative meaning in the English and Chuvash languages. The most frequently used negative prefixes and suffixes of the English language in comparison with the Chuvash word building affixes with the semantics of negation are analyzed. On the basis of the comparative analysis of the texts of fairy-tales by O. Wilde in the original with their translation into the Chuvash language the formal and content correlations between prefixes and suffixes of the English language and affixes of the Chuvash language in the expression of the semantics of negation are found out.

Key words and phrases: semantics of negation; variously structured languages; comparative analysis; the English language; the Chuvash language; negative affixes; negative suffixes and prefixes.

УДК 821.112.2

Филологические науки

Статья посвящена лирике Б. Брехта периода 1948-1956 гг., мало переведенной и изученной в России. Анализируются два тематически схожих стихотворения, при этом прослеживается трансформация поэтического языка автора. Статья ставит целью внести вклад в постепенную коррекцию неполной и искаженной рецепции общественно значимой лирики бывшей ГДР в России и установление межкультурного диалога.

Ключевые слова и фразы: лирика; Бертольт Брехт; «Буковские элегии»; поэтический язык; лаконизм; коммуникативная функция языка.

Антошина Ольга Дмитриевна
Тверской государственный университет
antoschina@hotmail.ru

ПОЭТИКА ПОЗДНЕГО БРЕХТА НА ПРИМЕРЕ ДВУХ СТИХОТВОРЕНИЙ[©]

Бертольт Брехт, убежденный марксист и коммунист с конца 20-х годов, после окончания Второй мировой войны из эмиграции вернулся в Восточный Берлин. В образовании ГДР он видел исторический шанс

и хотел принимать участие в построении нового коммунистического государства. Для него это означало активное вмешательство в социальную и политическую действительность при помощи литературы, апеллирование к политическому сознанию масс и их мотивацию к социалистическому строительству. Как справедливо замечает Отто Кнёррих, у Брехта первого в истории немецкой литературы политическая ангажированность превратилась в действие, а не ограничивалась только лишь рефлексией по поводу политических событий, «типичной реакцией... “ведомого внутренними порывами” человека» [15, S. 324]. Поставленным задачам соответствовало «уплотненное обращение с языком», то есть лаконичная манера речи, позволявшая достичь «высшую степень языковой и мыслительной концентрации». Она, кроме того, служила для «де-поэтизации, отрезвления и овеществления высказывания, для выработки той сухой, спокойной, контролируемой манеры речи, которая стала типичной для Брехта» [Ibidem, S. 332]. Кнёррих видит главное значение лаконизма в том, что он защищает поэта от опасности плохого языкового наполнения, так как, с его точки зрения, «политический поэт особенно легко может впасть в пропагандистские клише» [Ibidem].

В 1938 году Брехт опубликовал статью «*О нерифмованной лирике с рваными ритмами*», в которой изложил основные принципы новой поэтологии. В ней постулируется «социально осознанное» лирическое произведение, которое призвано делать возможным свое восприятие через мышление и выполнять политические задачи. Такое стихотворение не должно восприниматься ассоциативно-эмоционально, оно требует аналитического осмысления. Слово поэта понимается Брехтом как общественное, коллективное действие, и, следовательно, для него решающее значение имеет коммуникативная функция:

Regelmäßige Rhythmen mit ihrem gleichmäßigen Fall hacken sich <...> nicht genügend ein und verlangen Umschreibungen: viele aktuelle Ausdrücke gehen nicht hinein: der Tonfall der direkten, momentanen Rede war nötig. Reimlose Lyrik mit unregelmäßigen Rhythmen schien mir geeignet [6, S. 364].

Равномерные ритмы с их монотонным движением недостаточно... цепляются (за сознание) и требуют описаний, многие актуальные выражения туда не вписываются; была необходима интонация прямой, современной речи. Нерифмованная лирика с рваными ритмами казалась мне подходящей (*Здесь и далее перевод наш – О. А.*).

В первые годы после своего возвращения в Восточный Берлин автор встает на службу нового государства при помощи стихов, включающих тематику возвращения, строительства и антивоенную тематику, как, например, вот это стихотворение, написанное в 1949 году:

Deutsches Lied

*Als in Schutt die Städte lagen nach dem großen Bombenschauer
Sagt uns: was kam da für eine Zeit?
Da kam eine Zeit der Traurigkeit
Und dann kam die Zeit der Städtebauer.*

*Als die Fluren euch verwüstet von den Panzerungeheuern
Sagt uns: was kam da für eine Zeit?
Da kam eine Zeit der Traurigkeit
Und dann bauten wir uns größere Scheuern.*

*Nun ihr elend und besiegt seid und kaputt vom Welterobern
Sagt uns: warum solche Fröhlichkeit?
Jetzt kommt unsre große Friedenszeit
Wir vertrieben endlich unsre Obern* [5, S. 212].

Немецкая песня

Когда в руинах лежали города после великой бомбежки
Скажите нам: что тогда пришло за время?
Тогда пришло время скорби
И тогда пришло время строителей городов.
Когда ваши поля были опустошены танками
Скажите нам: что тогда пришло за время?
Тогда пришло время скорби
И тогда мы построили себе амбары побольше.
Теперь вы жалки и повержены и устали от завоевания мира
Скажите нам: откуда такая радость?
Сейчас приходит великое время мира
Мы, наконец, прогнали наших предводителей.

Три строфы произведения построены по одной и той же метрической схеме. Каждая строфа содержит опоясывающую рифму (в немецком оригинале). Все стихотворение дополнительно структурировано при помощи грамматического параллелизма: каждая строфа содержит в первых двух строчках вопрос и в последних двух строчках ответ. В первой и во второй строфах доминирует временная перспектива будущего, в то время как в третьей – прошлого, что легко дает понять грамматическая временная форма. Противопоставление прошлого и будущего подчеркнуто тем, что первые две строфы построены совершенно идентично: в них одинаковые начала всех строк, а строки вторая и третья каждой из строф повторяются целиком, в то время как третья строфа отклоняется от этой схемы.

Брехт оценивает историческую перспективу оптимистично: после «времени скорби», которое связано с войной, наконец-то приходят «радость» и «время мира». «Строители городов» упомянуты в стихотворении симптоматично: в стихах Брехта этого периода очень часто появляются такие слова как «город», «строители городов», «строительные леса», «каменщик» и т.п. Городская символика [20, S. 105] употребляется здесь, в отличие от его более ранних экспрессионистских текстов, не в прямом значении, а в метафоричном и обозначает претворение в жизнь социалистического порядка и мировоззрения. Однако для социалистического будущего и связанной с ним мирной жизни недостаточно просто заново взять и построить города – «время мира» приходит только после того, как были наконец изгнаны «предводители» прошлого порядка. Изгнание «предводителей» для Брехта, в первую очередь, связано с ликвидацией фашизма. А преодоление фашизма для него неотделимо от пролетарской классово-вой борьбы и является необходимым условием для реализации социалистического будущего. Перспектива этого будущего видится в данном стихотворении, написанном в назидательном тоне, вполне оптимистично.

Еще одно стихотворение, «Великое время, упущено», также тематизирует строительство городов, но в совершенно ином тоне. Оно появилось четырьмя годами позже и вошло в сборник стихов под названием «Буковские элегии»:

Große Zeit, vertan

*Ich habe gewußt, daß Städte gebaut wurden
Ich bin nicht hingefahren.
Das gehört in die Statistik, dachte ich
Nicht in die Geschichte.
Was sind schon Städte, gebaut
Ohne die Weisheit des Volkes [4, S. 311]?*

Великое время, упущено

Я знал, что строились города
Я не поехал.
Это относится к статистике, думал я
Не к истории.
Что значат города, построенные
Без мудрости народа?

Помимо темы строительства городов, в названии этого лирического произведения содержится автоцитата «великое время» из первого стихотворения, но теперь это время «упущено». Тон кардинально поменялся: во втором стихотворении нет повелительного наклонения, нет ни намека на назидательность. Из текста мы узнаем, что лирический герой, которого в данном случае можно идентифицировать с автором, принимавшим деятельное участие в восстановлении социалистического Берлина и даже придумывавшим плакаты и надписи к первым новым домам Восточного Берлина, не поехал на строительство городов, потому что эти города относятся не к «истории», а к «статистике». В антитезе «истории» и «статистики» – главная загадка, которую задает это поэтическое произведение читателю. Предпринималось немало попыток, решив эту загадку, приблизиться к пониманию текста.

Например, Петер Пауль Шварц [20, S. 105] решает ее как антитезу для обозначения различного политического устройства в Западной и Восточной частях Германии. То есть послевоенное экономическое возрождение и строительство Западной Германии автор не относит к настоящей «истории», поскольку там отсутствует историческая перспектива социализма и народ – «мудрость народа» – не принимает участие в общественном строительстве. Таким образом, текст может быть понят как критика ФРГ и утверждение преимущества ГДР. За такую возможность интерпретации говорят высказывания Брехта в речи, произнесенной им в 1956 году на четвертом немецком конгрессе писателей:

Immer noch lebt der größere Teil Deutschlands im Sumpf der bürgerlichen Barbarei und der Sumpf steigt wieder <...>.

Wir schreiben unter neuen Bedingungen. Die sozialistische und realistische Schreibweise <...> kann, wie wir sahen, für den großen Kampf in vielfacher Weise dichterisch ausgebaut werden, nach meiner Meinung besonders durch das Studium der materialistischen Dialektik und der Weisheit des Volkes. Bauen wir doch unseren Staat nicht für die Statistik, sondern für die Geschichte, und was sind Staaten ohne die Weisheit des Volkes [7, S. 382]!

Большая часть Германии все еще живет в болоте буржуазного варварства, и болото все растет...

Мы пишем в новых условиях. Социалистическая и реалистическая манера письма... может быть, как мы видели, многими способами поэтически развита для великой борьбы, по моему мнению, в особенности при помощи изучения материалистической диалектики и мудрости народа. Мы же строим наше государство не для статистики, а для истории, а что значат государства без мудрости народа!

На другую возможность интерпретации указывает Харальд Вайнрих, противопоставляя брехтовскому тезису о грандиозных достижениях строек социализма его же антитезис о «городе-Молохе», также достаточно широко представленный в стихах Брехта экспрессионистского периода. Автор «в упоении солидарности строительства», наверное, на короткое время забыл, «что он, вообще-то, всегда чувствовал себя в городах плохо» [21, S. 36]. Развивая направление мысли Вайнриха, можно указать и на то, что Брехт часто высказывался против недостаточной эстетичности новостроек. В 1955 году он раскритиковал современное домостроение следующим образом:

Anfechtbar das lineare Grundkonzept unseres Bauens. Die Harmonie hängt nicht von der Regularität ab. Wo bleiben die Höfe, die krummen Straßen, die Überschneidungen der Gebäude, wo bleibt der Kontrast, die Überraschung

der plötzlich sich öffnenden Sicht, das Spezifische eines Blocks, das ihn dem Gedächtnis einprägt und durch die Jahre hin anziehend macht? Wir lassen unsere Kinder in der Geometrie aufwachsen, in Einheitsstallungen [8, S. 364].

Можно оспорить линейную концепцию нашего строительства. Гармония зависит не от регулярности. Где остаются дворы, кривые улочки, пересечения зданий, где остается контраст, удивление от внезапно открывшегося вида, специфика квартала, отпечатывающая его в памяти и притягивающая к нему спустя годы? Мы позволяем нашим детям расти в геометрии, в модульных загонах.

Конечно, проблематика жилищного строительства вряд ли удовлетворит нас в качестве единственного уровня понимания для этого стихотворения. В таком случае недостаточно оправданной кажется концовка, последние две строчки текста.

Подойти к пониманию этого поэтического произведения ближе можно, рассматривая его в макроконтексте последнего стихотворного цикла Бертольта Брехта «Буковские элегии». Типичным для цикла является применение лейтмотивов, что может привести к новому пониманию всего текста. Таких лейтмотивов в стихотворении несколько: «*Строительство городов*» обозначает период социалистического строительства «нового мира». «*Статистика*» обозначает не настоящий прогресс, а административный процесс, управляемый «сверху», инициированный и проведенный без «*мудрости народа*», то есть без участия народа. Народ выступает в таком процессе объектом, а не субъектом изменений. «*История*» обозначает, в противоположность «статистике», настоящий прогресс, который происходит при осознанном и действенном участии пролетариата. «*Мудрость народа*» – одно из ключевых понятий Брехта, оно является программным как для его поздней лирики, так и для его публичных выступлений на культурно-политические темы.

Характерно для этого стихотворения и для «Буковских элегий» вообще, что критика высказывается не напрямую и не в связи с каким-то конкретным поводом. При этом существует, по меньшей мере, два уровня понимания. На первом уровне критика этого стихотворения может быть направлена на социалистическое градостроительство в прямом смысле. Например, Генриха Мора это произведение заставляет думать о Сталинграде, который так и называли «Эйзенхюттенштадт», или «металлургический город», также спланированном и построенном по директиве «сверху», без обсуждения с народом [16, S. 60].

Читая стихотворение в макроконтексте «Буковских элегий» и открывая для себя символику цикла, принимая во внимание значение его лейтмотивов, можно выйти на новый уровень понимания текста. Тогда на первый план выходит критика недостаточной коммуникации между госаппаратом и народом при строительстве социализма. Такое строительство без «мудрости народа», то есть без привлечения народа посредством активной коммуникации с ним, относится только к «статистике», то есть не является настоящим прогрессом и не войдет в «историю», поскольку не приведет к цели – к социалистическому будущему.

Стихи цикла «Буковские элегии» большей частью были написаны в июле и августе 1953 года в загородном доме Брехта в Букове, и в их названии отразилась реальная топография. В ноябре 1953 года Брехт в письме к своему издателю Петеру Зуркампу предлагает «для частного прочтения парочку “Буколиковских элегий”» [9, S. 222]. Игра слов в названии с юмором отсылает нас к Буколикам, античной пастушеской поэзии, воспевающей прелести природы и села и характеризующейся мирной отдаленностью от реальной жизни. «Буковские элегии» Брехта, действительно, весьма существенно отличаются от его творчества периода строительства «нового мира». К 1950 году тематика возвращения и строительства была исчерпана в его поэзии. В «Буковских элегиях» на первый план выходят природа, ландшафт, повседневное окружение поэта, его лирическое Я. Эти формальные черты заставили многих исследователей говорить о «Новой Субъективности» Брехта, о его возвращении к экспрессионизму и даже о его слабеющей поэтической силе. В рецепции ГДР и России о «Буковских элегиях» говорилось в основном как о возврате автора к природе и как о его «старческой лирике».

Между тем, большинство современных немецких исследователей поэзии Брехта сходятся во мнении, что «Буковские элегии» обращены в закодированной форме к событиям 17 июня 1953 года. Восстание 17 июня освещалось и понималось в Западной и Восточной Германии кардинально различно. В ФРГ оно восславлялось как день свободы, в ГДР, по официальной версии, этот день было принято считать «днем икс Запада», когда контрреволюция и фашистский путч были предотвращены героическим вступлением советских танков.

«Буковские элегии» полностью становятся понятными только в контексте этого исторического события и были написаны как непосредственная реакция на них в поэтической форме, «как личностно-побужденное разбирательство с их причинами и последствиями» [14, S. 444]. Брехт писал, что «июньское восстание сделало чуждым все (его) существование» [Ibidem, S. 445]. Оно ускорило процесс разочарования Брехта и потери им иллюзий в отношении ГДР, а также решительно изменило тон его поздней лирики. Оптимистичный тон песен о строительстве «нового мира» уступил место элегическому, подчас совсем мрачному настроению. Лаконизм Брехта сгустился в этих стихах настолько, что выработался типичный для всего цикла стиль эпиграммы, такой, каким он предстает в стихотворении «*Великое время, упущено*». Справедливым является наблюдение И. Фрадкина о том, что «Буковские элегии» «по форме – по лаконизму и ёмкости, отчасти и созерцательности – напоминают классиков древнекитайской поэзии: Ли Бо, Ду Фу и Бо Цзюйи, которых он переводил» [2, с. 14]. Хочется добавить, что увлечение позднего Брехта древнекитайской поэзией было также в немалой степени «политической природы». Брехт возлагал на Китай большие надежды, ведь там, верил он, «великое время» – время строительства нового социалистического мира – еще не было «упущено», там еще можно избежать ошибок, допущенных в ГДР. В этих «кажущихся импрессионистскими» стихах Брехту удалось «выразить поэтические изменения в “жестике” повседневности» [17, S. 341]. Это снова картинки из жизни Восточной Германии, подчас похожие на фотографические снимки, но теперь увиденные гораздо более критичным взглядом.

При сравнении стихов «*Немецкая песня*» и «*Великое время, упущено*» сразу бросается в глаза различие формы. Если первое лирическое произведение (в немецком оригинале) полностью структурировано как со звуковой, так и с ритмической точки зрения, то второе написано в форме «нерифмованной лирики с рваными

ритмами»: нет ни рифмы, ни метрической схемы. Это типичный «шпрух», или стихотворение-афоризм, стихотворение-эпиграмма из «Буковских элегий». Оно состоит из двух частей: из максимально краткого представления конкретной ситуации и ее субъективно-аналитического анализа, комментария, «неожиданного разъяснения значения» [15, S. 331] в конце.

Важную роль играет метрическое деление, благодаря которому текст членится построчно на смысловые отрезки. В каждой строчке есть свой смысловый центр: слово или выражение, на которое падает основное ударение. В первой строчке это «города», во второй – «не поехал», в третьей – «статистика», в четвертой – «история», в пятой – «города», в шестой – «мудрость народа». Видно, что смысловые ударения падают на слова-лейтмотивы. Благодаря паузам внимание читателя концентрируется на каждом из маленьких отрезков. В итоге каждая строка звучит более самостоятельно, и слова в ней получают большую смысловую нагруженность. Таким образом, текст воспринимается «маленькими порциями», и возникает «ритм представлений, который вызывается поэтически расчлененным потоком речи» [3, S. 135]. Это определяет коммуникативный характер стихотворения: читатель становится соучастником процесса мышления.

Структура текстов «Буковских элегий» делает возможным их поэтапное раскрытие. Эти поэтические произведения на первый взгляд кажутся конкретными картинками, малоговорящими зарисовками. Большинство из них представляют собой снимки какого-то момента действительности, и ими вполне можно эстетически насладиться и на этом уровне рецепции. Однако думающий читатель, соучастник процесса мышления, распознает за этими картинками «скрытые связи общественного порядка» [13, S. 200, 201].

Созданием эстетических форм, которые требуют от читателя аналитического осмысления, Брехт занимал всю свою жизнь. Именно эту задачу преследовал его эпический театр. В своих пьесах он предпочитал форму параболы, к которой тяготеют и «Буковские элегии». Таким образом, «Буковские элегии» находятся в соответствии со всей его художественной программой. Что их, однако, отличает от его более раннего поэтического творчества – так это искусственное осложнение их понимания и невозможность одной гарантированно верной интерпретации. Эти стихотворения толковались очень по-разному: утверждалось, и что они частного, частного характера, и что они политические, и что они критические по отношению к государству, и что они, наоборот, носят аффирмативный характер. И все толкователи находили подтверждения своим мнениям в самих поэтических произведениях.

Если читать «Буковские элегии» в контексте событий 17 июня, то их злободневность могла послужить поводом к тому, что Брехт писал иносказательно, в закодированной форме. Однако было бы, наверное, наивно видеть причины поэтической формы «Буковских элегий» только лишь в их закодированном отношении к событиям 17 июня. Клаус Шуманн находит для такой поэтической формы много причин: «политические, имеющие в более или менее широком смысле отношение к событиям 17 июня 1953 года, философские, касающиеся отношений между человеком и природой, и эстетические, значимые для собственного творчества» [19, S. 110].

Отто Кнёррих обосновывает форму такого поэтического языка выбором Брехта именно в пользу искусства «политической природы». Поэзия новейшего времени защищается «герметической» т.е. закодированной манерой речи от изнашивания языка, но расплачивается за это трудностью своего понимания. Однако «политический поэт» должен следить за коммуникативной способностью своего языка. Кнёррих видит большое значение Брехта для истории поэзии в его «образцовом решении» проблемы соединения функций языковой регенерации и коммуникативной функции языка, что особенно удачно воплощается в его поздней лирике. Помимо этого Кнёррих указывает на важность «уровня мыслительной сложности»: «Необходимо защитить сообщаемую истину от слишком поспешного и опрометчивого понимания... Также эстетическое удовлетворение является... в существенной степени результатом наслаждения, которое доставляет преодоление сложностей (понимания)» [15, S. 333].

Существует еще одно важное различие между «Немецкой песней» и стихотворениями «Буковского» цикла – это положение субъекта. В «Немецкой песне» поэт стоит рядом со своими согражданами. Об этом свидетельствует употребление местоимений «мы», «наших». В стихотворении «Великое время, упущено» субъект находится вне событий, а не в их гуще. Дистанция чувствуется также в элегическом, подчас насмешливом тоне «Буковских элегий» – совершенно другом, чем в песнях о строительстве «нового мира», которые производят впечатление однозначности, ясности и непосредственной агитации. Это дистанцированная позиция наблюдателя или позиция учителя.

С одной стороны, Брехт был оттеснен на положение наблюдателя функционерами культурной политики ГДР, с другой стороны, к нему пришло осознание своей роли современного немецкого классика, а такой позиции пристала некоторая мудрость. И он пишет свои поздние стихи в форме, которая уже сама по себе готовит читателя к восприятию мудростей и повышает субъективное ощущение важности высказывания. Ведь в форме параболы или притчи написаны многие пассажи из Библии, это форма, в которой говорят мудрецы и пророки. Традиционно в такую форму облачается культурное наследие, которое нужно защитить от слишком поспешного и упрощенного понимания. Можно резюмировать, что афористичные стихотворения – «шпрухи» «Буковских элегий» поднимают поэтический лаконизм языка Брехта на высшую степень мастерства. Для своего важного общественно-политического послания Брехт нашел в «Буковских элегиях» подходящую форму, которая стала вдохновляющей для многих его «потомков» – последователей.

Список литературы

1. Копелев Л. З. Брехт. М.: Молодая Гвардия, 1966. 432 с.
2. Фрадкин И. М. Предисловие // Бертольт Брехт. Стихотворения. Рассказы. Пьесы / сост., вступ. ст. и прим. И. Фрадкина. М.: Художественная литература, 1972. С. 9-24.
3. Birkenbauer K. Die eigenrhythmische Lyrik Bertolt Brechts. Theorie eines kommunikativen Sprachstils. Tübingen: Niemeyer, 1971. 143 S.

4. **Brecht B.** Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe / Hrsg. J. Knopf, B. Bergheim u.a. Berlin – Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1988. 30 Bände. Band 12. Gedichte 2. 496 S.
5. **Brecht B.** Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe / Hrsg. J. Knopf, B. Bergheim u.a. Berlin – Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1993. 30 Bände. Band 15. Gedichte 5. Gedichte und Gedichtfragmente 1940-1956. 613 S.
6. **Brecht B.** Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe / Hrsg. W. Hecht, J. Knopf, W. Mittenzwei, Kl.-D. Müller. Berlin – Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1993. 30 Bände. Band 22.1. Schriften 2. 1933-1942. 1168 S.
7. **Brecht B.** Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe / Hrsg. W. Hecht, J. Knopf, W. Mittenzwei, Kl.-D. Müller. Berlin – Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1993. 30 Bände. Band 23. Schriften 3. 1942-1956. 628 S.
8. **Brecht B.** Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe / Hrsg. W. Hecht. Berlin – Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1995. 30 Bände. Band 27. Journale 2. 1941-1955. Journale 1941-1955. Autobiographische Notizen 1942-1955. 672 S.
9. **Brecht B.** Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe / Hrsg. G. Glaeser u.a. Berlin – Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1998. 30 Bände. Band 30. Briefe 3. 1950-1956. 816 S.
10. **Buck Th.** Leben im Widerspruch. Bertolt Brecht in der DDR // Literatur in der Diktatur: Schreiben im Nationalsozialismus und DDR-Sozialismus / G. Rüter. Paderborn: Schöningh, 1997. S. 343-357.
11. **Haymann R.** Bertolt Brecht. Der ungeliebte Klassiker. München: W. Heyne, 1985. 555 S.
12. **Joost J. W.** Buckower Elegien // Brecht-Handbuch in fünf Bänden / Hrsg. J. Knopf. Stuttgart – Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2001. Band 2. Gedichte. S. 439-453.
13. **Knopf J.** Brecht-Handbuch. Lyrik, Prosa, Schriften. Eine Ästhetik der Widersprüche. Stuttgart: Metzler, 1984. 557 S.
14. **Knopf J.** Kommentar // Bertolt Brecht. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe / Hrsg. J. Knopf, B. Bergheim u.a. Berlin – Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1988. 30 Bände. Band 12. Gedichte 2. S. 444-447.
15. **Knörrich O.** Die deutsche Lyrik seit 1945. Stuttgart: Kröner, 1978. 425 S.
16. **Mohr H.** Der 17. Juni als Thema der Literatur in der DDR // Die deutsche Teilung im Spiegel der Literatur. Beiträge zur Literatur und Germanistik der DDR / Hrsg. K. Lamers. Stuttgart: Verlag Bonn Aktuell, 1978. S. 43-84.
17. **Naegele R.** Deutsche Demokratische Republik // Geschichte der politischen Lyrik in Deutschland / Hrsg. W. Hinderer. Stuttgart: Reclam, 1978. S. 338-360.
18. **Rastegar N.** Die Symbolik in der späteren Lyrik Brechts. Frankfurt am Main – Bern – Las Vegas: Lang, 1978. 331 S.
19. **Schuhmann K.** Untersuchungen zur Lyrik Brechts. Berlin: Aufbau-Verlag, 1977. 205 S.
20. **Schwarz P. P.** Lyrik und Zeitgeschichte. Brecht: Gedichte über das Exil und späte Lyrik. Heidelberg: Stiehm, 1978. 141 S.
21. **Weinrich H.** Bertolt Brecht in Buckow oder: Das Kleinere ist das Größere // Gedichte und Interpretationen Gegenwart / Hrsg. W. Hinck. Stuttgart: Reclam, 1994. Bd. 6. S. 30-39.

THE POETICS OF THE LATE WORKS OF BRECHT BY THE EXAMPLE OF TWO POEMS

Antoshina Ol'ga Dmitrievna

*Tver State University
antoschina@hotmail.ru*

The article is devoted to the lyrics of B. Brecht during the period of 1948-1956, poorly translated and studied in Russia. Two thematically similar poems are analyzed, at the same time the transformation of the poet's language is observed. The goal of the paper is to make a contribution to the gradual correction of incomplete and distorted reception of socially significant lyrics of the former German Democratic Republic in Russia and the establishment of a cross-cultural dialogue.

Key words and phrases: lyrics; Bertolt Brecht; "Buckow Elegies"; poetic language; laconicism; communicative function of a language.

УДК 8

Филологические науки

В статье анализируются англоязычные заимствования в немецком профессиональном жаргоне рекламистов. На примере глаголов автор рассматривает особенности освоения заимствований в профессиональном дискурсе. Основное внимание автор акцентирует на проблемах словообразования, образования второго причастия, а также употребления неассимилированных глагольных форм.

Ключевые слова и фразы: ассимиляция заимствований; частичная ассимиляция; англоязычные заимствования; заимствованные глаголы; профессиональный жаргон.

Банщикова Мария Александровна, к. филол. н.

*Российский университет дружбы народов
banshchikova.m@mail.ru*

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АССИМИЛЯЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖАРГОНА СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ РЕКЛАМЫ)©

Профессиональный жаргон сферы рекламы, как и словарный состав языка в целом, подвержен постоянным изменениям. Процесс пополнения профессионализмов происходит непрерывно и является одним из законов развития языка, который вызывает интерес лингвистов на протяжении нескольких десятилетий.